

О. Г. Волковъ.

Первое „общенародное зрѣлище“ вь Москвѣ.

(Памяти О. Г. Волнова).

«Театръ—школа народная, я — старшій учитель вь этой школѣ».

Такъ говорила императрица Екатерина Вторая, опередившая такимъ взглядомъ вькоторыхъ теперешнихъ русскихъ «назадниковъ», ополчившихся вь печати на идею народныхъ развлеченій, провозглашаемую ими развращеніемъ народа.

Народнымъ художественнымъ зрѣлищемъ хотѣла Екатерина ознаменовать свое вступленіе на престолъ и отправила вь Москву театральную труппу съ Волковымъ во главѣ для устройства коронационныхъ празднествъ.

Для народа было задумано необыкновенное зрѣлище—грандиознѣйшій маскарадъ. Всего болѣе потрудились надъ планомъ этого торжества Волковъ. Великую энергію и многостороннее образованіе и пониманіе русской жизни проявилъ онъ здѣсь.

Вь особо составленномъ объявленіи объ этомъ празднествѣ сказано было: «Сего мѣсяца 30 и февралі 1 и 2, то есть вь четвертокъ, субботу и воскресенье по улицамъ: Большой Нѣмецкой, по обѣимъ Басманнымъ, по Мясницкой и Покровскѣ отъ 10 часовъ утра за полднѣ будетъ ѣздить большой маскарадъ названный «Торжествующая Минерва», вь которомъ изъяснятся гнусность пороковъ и слава добродѣтели. По возвращеніи онаго къ гермамъ начнутъ кататься и на сдѣланномъ на то театрѣ представлять народу разныя игральца, пляски, комедіи нукольные, гокусъ-покусъ и разныя тѣлодвиженія, стануть доставать деньги своимъ зроровствомъ охотники бѣгаться на лошадахъ и проч. Кто оное видѣть желаетъ, могутъ туда собираться и кататься съ горъ во всю недѣлю масленницы, съ утра и до ночи, вь маскѣ или безъ маскѣ, кто какъ похочеть всякаго звачія люде».

Это было зрѣлище, каково нираньше, ни впоследствии никогда не видала Россія. Громко, во всеуслышаніе, иредаются самыя жгучія «злобы дня», самыя горенныя общественныя неправды всенародному нозору и осмѣянію.

Это была живая, остроумнѣйшая по тому времени и извительнѣйшая сатира и мораль, талантливо воспроизведенныя различными родами искусствъ. Тутъ фигурировали и художественное слово, и живопись, и музыка и проч.

По плану Волкова, вложившаго вь это дѣло всю свою душу, да и тѣло, какъ оказалось: онъ вскорѣ умеръ, простудившись на этомъ маскарадѣ — по плану Волкова, по указанной имъ идеѣ, составлены были объяснительные къ маскараду стихи Херасковымъ и хоральныя пѣсни — Сумароковымъ.

Эти стихи и пѣсни служатъ единственнымъ литературнымъ свидѣтельствомъ творческаго замысла Волкова, сохранившимся отъ того празднества: они были от-

печатаны тогда же, вь 1763 г., отдѣльной книжкой, которую, конечно, очень и очень немногіе могли видѣть и читать, потому я имѣю вь виду познакомить ихъ съ ея содержаніемъ, имѣя вь настолицую мнунту этотъ крайне рѣдкостный, антикварный матеріалъ подъ рукой.

Общественная, поучительная задача «большого маскарада» прекрасно объяснена вь стихахъ пролога: Свѣтило истины и честь кому любезна, Для тѣхъ сердець хула порокамъ презлезна.

Пусть «подлая душа» стыдится, видя свое изобличеніе вь живыхъ картинахъ, направленныхъ съ той цѣлью, «чтобы мерзость показать пороковъ»: взяточничества, своекорыстія, лицемерія, ханжества, эксплуатаціи народной бѣдности и невѣжества и т. п.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, по духу того вѣка, вь видѣ противоположенія злу добра, должна была восхваляться честность и любовь вь истинѣ, преданность долгу.

Сатира не жалѣетъ красокъ на то, чтобы погрѣшче заклеймить пятномъ позора пагубу невѣжества и тотъ великій вредъ преусибіянію народа, который вытекаетъ изъ этой страшной власти тьмы. Указавъ вредныя стороны народнаго невѣжества, авторъ спрашиваетъ:

Для славы общества, такую зря помѣху, Не должно-ль предавать такихъ безумцевъ смѣху?

Злымъ сарказмомъ обрушивается поэтъ на тѣхъ коварныхъ и подлыхъ лжецовъ, которые, подъ предлогомъ общественной пользы, предлагаютъ государству разныя финансовыя операціи, клопящіяся только къ тому, чтобы высосать народную кровь, обратить казенную мощну. Про этого рода капиталистовъ предпринимателей съ болью вь душѣ смѣло выражаются сатирикъ-гражданинъ.

Но всѣхъ обмановъ злыхъ (злѣй) обманъ прожектера: Онъ пользы общества стремится описать, Чтобъ новой выдумкой бармыль какой сосать.

И ежели его не упреждать обмановъ, Такъ будетъ злая (злѣе) онъ колдовокъ и цыгановъ.

Не шадитъ онъ и тѣхъ крючкотворцевъ, которые «вь народѣ деньги удаютъ», многихъ съ сумой по міру пускаютъ, и ябедниковъ, снюхавшихся вмѣстѣ съ этими судьями неправыми для разоренія народа. Такъ пусть же всѣ добрые люди вь волошку хоть вь этотъ день посмѣются, потѣшатся надъ этими кровопийцами!

Кто гонить истину, собирая съ кривды плодъ, Не долженъ ли такимъ гнущаться весь народъ?

Сатира коснулась и нарождавшихся тогда «буржуевъ», — употреблю выраженіе Глѣба Успенскаго. Вчера этотъ чумазый ходилъ вь заплатахъ, а теперъ сталъ откупщикомъ и владѣльцемъ роскошныхъ палатъ.

Вь каретѣ сидя онъ, не смотритъ на людей, Самъ будучи своихъ глупѣе лошадей.

Жестоко трунуть онъ надъ купчихой, которая изъ кожи лѣзетъ вонъ, чтобы добиться связей вь аристократической средѣ:

Иль баба подлая, природу утая, Нарядомъ госпожа, поступками сванья, По вкусу своему амуры себѣ находитъ, А именно—съ осломъ по-свѣтски дружбу водить.

Отечески журить сатирикъ тѣхъ разжирѣвшихъ сельскихъ богачей, которые стали гнущаться родныхъ имъ, по плоти и крови, бѣдныхъ мужичковъ. Такихъ спесивыхъ авторъ гнѣвно клеймитъ именованіемъ «тварей».

Интересно описаніе самаго карнавала. Выходитъ съ своей свитой провозвѣстникъ маскарада, Момусъ - пресмѣшникъ. На немъ куклы и колокольчики. Надпись: «упражненіе малосумныхъ». Далѣе слѣдуютъ: хоръ комической музыки, большія литавры и два знака Момусовыхъ, театры съ «нукольщиками», по бокамъ ихъ 12 человекъ на деревяныхъ

воняхъ съ погремушками, флейтки и барабанички вь кольчугахъ, Родомандъ — забіяка, храбрый дуракъ, верхомъ, а за нимъ идетъ пажъ, поддерживающій его косу. Потомъ «служители Панталонныхъ одѣты вь комическое платье, и Панталонъ—пустохвасть вь поршезѣ, которой несутъ 4 человекъ». Служители глупаго педанта одѣты скарамушами. Дикари съ ассистентами.

Символомъ царящей между людьми жестокой борьбы представлены: ястребъ, терзающій голубя; паукъ, спускающійся на жабу; кошачья голова съ мышью; лисица, давящая курицу, и надпись ко всему этому: «дѣйствіе злыхъ сердець». Къ этому присоединяется оркестръ и хоръ, участники которыхъ наряжены вь разныя животныя. Забіяки, борцы и кулачные бойцы окружаютъ символистическую процессію «дискордію», бьются, борются, бѣгаютъ съ смертоносными орудіями вь рукахъ и вь сопровожденіи трехъ страшныхъ фурій.

Символъ обмана: вверху — маска, а вокругъ нея—змѣя, скрытая среди розъ. Надпись: «пагубная предѣсть». При этомъ поютъ и пляшутъ цыганы и цыганки, колдуны, колдуньи и нѣсколко дьяволовъ и, наконецъ, вокругъ обмана разныя шарлатаны—предприниматели съ своими проектами.

Мздоимство: сидитъ Гарсія, кругомъ—кравива, крючки, мѣшки денежные и переломленные вѣсы. Надпись: «в сеобщая пагуба». Ябедники и съ ними духи ябеды, крючкотворецъ. Брючкописатели съ знаменами, на которыхъ написано: «в а т р а» и т. д.;—тутъ вь этомъ отдѣлѣ, много картинъ: много жолчи пролито, видимо, сатирикомъ изъ-за этихъ вредныхъ людей.

Долго пришлось бы мнѣ рассказывать, если бы я рѣшился изложить подробно всю процессію, со всѣми подчасъ наивными для нашего вре-

мени, а подчасъ и очень остроумными подробностями и символами.

Для примѣра, какія пѣсни пѣлись хоромъ, сопровождавшимъ каждую группу, приведу «хоръ ко мздоимству»:

Если староста—бездѣльникъ, такъ и земскій паукъ, И советамъ они забыли, что ремесники живутъ

Взятки вь жизни красота, Сладше меда и сота: Такъ-то крючкотворецъ месеть, Какъ на взятку крючкомъ дѣлеть. Такъ-то староста богатый, Сельской насыщая платой— Такъ ихъ весь содомъ. Крючкотворцева жена— Такова же сатана, А отъ этакой насѣдки Таковыя же и дѣтки.

Такъ содержательно, такъ симпатично по своей идеѣ было это первое русское народное зрѣлище, первое разумное развлеченіе толпы, первый проблескъ служения вь Россіи интеллигенціи народу при посредствѣ прямого общенія между ними...

Но этого мало. Основатель русскаго театра, родоначальникъ народныхъ зрѣлищъ у насъ, выходя изъ простой безграмотной среды, былъ и первымъ у насъ слагателемъ пѣсней вь духѣ народномъ, за что покойный академикъ Тихоновъ справедливо назвалъ его Кольцовымъ 18-го вѣка, о чемъ можно прочесть вь немногочисленныхъ, къ сожалѣнію, энциклопедіяхъ сохранившихся у его слушателей лекцій.

Тамъ для образца приведены двѣ его пѣсни: о «Златомъ вѣкѣ» и «Какъ проходитъ дорогая мимо кельи».

Первая пѣсня замѣчательна по своему содержанію. Жаль, что о ней, кромѣ специалистовъ, никто не имѣетъ и понятія. Жаль и то, что учащейся молодежи на урокахъ словесности никогда не говорятъ объ этой сторонѣ дарованія Волкова. Нельзя также не удивляться, что и биографы умалчиваютъ объ этомъ: такъ, авторъ жизнеописанія Волкова,

книжка котораго издана Павлепковымъ и рекомендуется, какъ единственная біографія для большой публики вь «Энциклопедическомъ словарѣ» Брокгауза и Эфрона, г. Ярецъ ни слова не говоритъ о Волковѣ, какъ слагателѣ этихъ пѣсней.

Пѣсня о «Златомъ вѣкѣ» потому особенно интересна, что вь ней выражаются всѣ основные общественно-этические идеалы перваго нашего демократа — пѣвца и артиста!

О, златые, золотые вѣки! Вь васъ счастливо жили человекъ. Землю вь части тогда не дѣлили, Ни раздоровъ, ни войны не знали. Такъ, какъ выжили—солнцемъ всѣ доволаны, Такъ довольны были всѣ землей. Злата, мѣди, серебра съ жемчужомъ. Не ковали, ни вь ружье, ни вь дѣвши, Не гордились и не унижались, Были равны всѣ и благородны, Всѣ свободны, всѣ были богаты, Всѣ служили, всѣ повѣдали, Ихъ языкомъ сердце говорило И вь устахъ ихъ правда обитала. На сердцахъ ихъ былъ законъ написанъ: Самъ, что хочешь, то желай другому. Страхъ, почтенье неизвѣстны были. Лишь любовь ихъ правила сердцами. Такъ прямые жили человекъ. Тѣ минули золотые вѣки.

Пѣсню эту я перепечатаваю изъ знаменитаго «Письмовника», издавнаго «при Императорской академіи наукъ 1793 года» и составленнаго профессоромъ Кургановымъ.

Неужели только вь Ярославлѣ будутъ праздновать память этого великаго гражданина-художника? 27 июня исполнится 150 лѣтъ со дня основанія имъ русскаго общедоступнаго театра. Если теперъ, по случаю лѣтняго затмѣнія, трудно будетъ устроить празднество этого юбилея, то ужъ, по крайней мѣрѣ, осенью не исполнить этого съ подобающей торжественностью было бы русской интеллигенціи прямо стыдно.

В. Ермиловъ.

Курьеръ, 9 мая 1900, №128